

УДК 821.162.1
ББК 83.3 (4Пол)

Е.М. Регурецкая

ЯЗЫЧЕСКОЕ И БИБЛЕЙСКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ШУЛЬЦА И Ф. КАФКИ

Анализируется система библейских и языческих мифообразов в автобиографических повестях Бруно Шульца «Коричные лавки» и «Санаторий под Клепсидрой», в романе Франца Кафки «Процесс» и рассказе «Превращение». Делается вывод об особой роли двух мифологем – мотива реинкарнации («превращения»), связанного с языческими мифами многих народов, и образа книги, играющего центральную роль в ветхозаветной и новозаветной картине мира.

Ключевые слова: Библия, миф, мифообраз, Кафка, Шульц.

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-12-18

Регурецкая Екатерина Михайловна – аспирант Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
Тел.: 8-909-789-69-70
E-mail: jakun2010@mail.ru

© Регурецкая Е.М., 2016.

Хотя между Кафкой и Шульцем не было непосредственных контактов, Шульц знал и читал произведения Кафки: первый перевел на польский язык его роман «Процесс» (1936), был его иллюстратором и автором рецензии [Schulz Bruno]. Исследователи находят в их творчестве многие типологические параллели, однако писатели имеют различный подход к мифу и его интерпретации. В этой статье пойдёт речь о соотношении библейского и языческого мифических начал в творчестве двух писателей.

Термином «мифологизация», введённым Шульцем, мы описываем «введение мифологических элементов (...), преобразование чего-то в миф, в легенду, создание мифов по отношению к чему-то или кому-то» [Bańko, s. 231]. Шульц субъективизирует миф, для него миф – это не те истории, которые уже были, а те, что живут в реальности и переплетаются с ней. Для писателя мифом является то, что происходило с ним в детстве, все пережитые события, которые не повторятся уже никогда.

В произведениях Шульца и Кафки одним из вариантов присутствия мифа является метаморфоза – перевоплощение людей в животных (рассказ «Превращение» Кафки и рассказы Шульца «Таракан», «Мёртвый сезон», «Последнее бегство отца»), в мифологических персонажей (рассказ «Пан»), с помощью которых Шульц давал новую жизнь старым мифам. Это обращение к художественному приёму «метаморфозы», традиции которого восходят еще к античной греко-римской

литературе (Овидий и Апулей), является архетипической вариацией языческих тотемических мифов и представлений о переселении душ (см., например, отражение учения о реинкарнации в диалоге Платона «Государство»). В свою очередь, перевоплощение в животное имеет мифологические соответствия в волшебных сказках разных народов, в античной мифологии (миф о Цирцее, изложенный в «Одиссее» Гомера) и в буддистских религиозных представлениях. Отец из «Коричных лавок» – это человек, у которого много обличей и воплощений. В «обычной» жизни он владелец мануфактурной лавки и торговец с не самым лучшим здоровьем, озабоченный счетами и расчетами, в воображении сына он предстает в образе демиурга, загадочного чародея. Его увлечение птицами непостижимым образом приводит к тому, что он вдруг в глазах сына начинает превращаться в кондора, в другой раз он подвергается еще более странным метаморфозам, превращаясь в лиса, таракана, муху, рака или вообще просто исчезает. Превращения в античные божества происходят с такими персонажами, как служанка Аделя, которая однажды становится римской богиней садов и фруктов, сумасшедшая Тлуя, живущая на свалке, напоминает языческое божество плодородия, нищий, сидящий среди лопухов, – мифического бога Пана.

У Кафки, по словам Е.М. Мелетинского, обнаруживается «переворачивание» мифа, его частичное превращение в антимиф [Мелетинский, с. 45]. Справедливо и другое суждение исследователя: «В первобытных тотемических мифах превращение героя в животное (часто в момент смерти) символизирует его приобщение к социуму, возникновение его культа». В то же время о Кафке Е.М. Мелетинский пишет следующее: «В творчестве писателя наблюдается четкий контраст первобытного мифа и модернистского мифотворчества: смысл первого в приобщении героя к социальной общности и к природному круговороту, содержание второго – "мифология" социального отчуждения» [Лотман, Минц, Мелетинский, с. 60]. В первобытных тотемических мифах превращение героя в животное (часто в момент смерти) символизирует его приобщение к социуму, возникновение его культа [Там же, с. 62].

В художественном мире Кафки наиболее явную связь с тотемическими мифами имеет рассказ «Превращение». Метаморфоза Грегора Замзы является символом отчуждения, конфликта, разрыва с семьей и обществом. Окончание рассказа символизирует конец мучений родственников Грегора Замзы, радость полного освобождения семьи от умершего сына и брата, который являл собой бремя и кошмар семьи. С этой точки зрения, «Превращение» Кафки действительно выступает как миф наизнанку, поскольку метаморфоза Грегора Замзы осуществляется не во имя идеи превосходства родового над личным, а, наоборот, как знак необратимого разрыва связей индивида с ближними. Это ничем не объяснимая случайность, а значит, в ней отсутствует такая познавательная функция мифа, которая позволяет истолковывать те или иные природные явления (в том числе фантастические) с помощью надприродных факторов.

Таким образом, присутствие языческих мифообразов-метаморфоз, связанных с тотемическими и реинкарнационными представлениями о природе и месте в ней человека, у Шульца и Кафки приводит к противоположному результату: у Шульца такой мифообраз свидетельствует о неисчерпаемых мифотворческих возможностях художественной литературы в рамках «мифологизации действительности», у Кафки же, наоборот, свидетельствует о кризисе или даже «смерти мифа» в сознании человека современной цивилизации.

Библейские мифообразы в художественной картине мира Шульца и Кафки играют особую роль, поскольку оба писателя были связаны своим семейным воспитанием с иудейской культурой. Для традиций этой культуры очень важен культ книги, о чем пишет Г.В. Синило: «... возникла харизматическая власть Книги, авторитету которой безоговорочно подчинились иудеи. Книга стала подлинным отечеством иудейских пленников в вавилонском плену. Книга позволила выстоять и вернуться» [Синило, с. 32].

Этот культ Книги наиболее характерен для Шульца, что проявляется в его рассказе с одноименным названием: «Я называю ее просто Книга, безо всяких определений и эпитетов, и в воздержанности этой, в самоограничении присутствует беспомощный вздох, тихая капитуляция перед необъятностью трансцендента, ибо никакое слово, никакая аллюзия не способны просиять, заблагоухать, охватить тем ознобом испуга, предчувствием той ненареченной субстанции, первое ощущение от которой на кончике языка не вмещается в наш восторг» [Шульц, с. 35]. Книга в рассказах Шульца является праисточником, прапричиной, она придает форму действительности. Однако Книга недоступна человеку в зрелом возрасте, и это болезненно переживает автор. Он может лишь искать ее следы в окружающем его мире. Невозможно описать, что она представляет собой на самом деле. Ища фрагменты Книги, автор словно изменяет реальность, пропускает через фильтр своего воображения: «Это же была Книга, ее последние страницы, ее неофициальное приложение, тыльный флигель, набитый мусором и рухлядью!» [Там же, с. 36]

Действие «Коричневых лавок» развивается по свойственному архаическим мифам типу циклического времени, начинается главой «Август» и завершается тринадцатым «ненастоящим» месяцем. Как замечает Н.Ф. Каменева: «Время здесь обладает чертами архаической повторяемости, ветхозаветной эсхатологичности и евангельской надежды на новое пришествие. Времена года связаны с языческими смыслами» [Каменева]. Ещё одно очень важное суждение Н.Ф. Каменевой: «Исходным метатекстом для Шульца является Библия, в то же время повествование обнаруживает закономерности построения архаических мифов...» [Там же]. Большое значение для творчества Шульца имеют первые слова Евангелия от Иоанна «в начале было Слово» (Ин. 1: 1), и именно Слово в его высшем, сакральном значении является источником художественного мифа писателя. Способность заглянуть в таинственную «Книгу» у Шульца неразрывно связана с детским возрастом («Ты утаил сие от мудрых

и разумных и открыл то младенцам» (Матф. 11: 25)): во взрослом возрасте Книга-Подлинник забывается и теряется, и ей на смену идут книги-копии. Поэтому неслучайно в рассказе «Коричные лавки» начало блужданий по городу в поисках загадочных магазинов связано, в первую очередь, с библиофильской страстью ребёнка-нарратора («...и, конечно же, редкие и особенные книжки – старинные фолианты с превосходными гравюрами и удивительными историями» [Шульц, с. 19]).

Сравнение с Библией всего того, что происходит в «Коричных лавках», обнаруживается уже в самом начале первого рассказа «Август»: «В июле отец мой уезжал на воды, оставляя меня, мать и старшего брата на произвол белых от солнца, ошеломительных летних дней. Замороженные светом, листали мы огромную книгу каникул» [Там же, с. 2]. Описанный в произведениях фрагмент мира является частью Библии, существующей с начала мира, к которому, по ветхозаветному пониманию, возвращаются все мифы.

Следует отметить обращение к библейской космогонии, выраженной в Книге Бытия (рассказ «Трактат о манекенах»). Рассказ представляет собой лекцию из трех частей, которую отец читает перед Аделе, Польде, Паулине и манекену. Первая часть имеет символический подзаголовок «Вторая книга рода» («Wtóra księga rodzaju»). Тем самым автор отсылает нас к Книге Бытия, выражающей библейскую картину сотворения мира. Для Шульца она имеет особое значение; представляется новый порядок вещей, новое произведение: «Словом, – заключал отец, – мы намерены сотворить человека повторно, по образу и подобию манекена» [Там же, с. 10], в чем читается библейская аллюзия: «и сказал Бог: сотворим человека по образу нашему по подобию нашему...» (Быт. 1: 26).

Библейские сцены и мотивы у Шульца, которых немало, прослеживаются не только в сценах с отцом. Вот, например, метонимическое продолжение ноги – «туфелек» служанки Адели, который «слегка вздрагивал и поблескивал как змеиный язычок» [Там же, с. 12] – безусловная ветхозаветная аллюзия: змей-искуситель вверх человека в первородный грех, за что человек был изгнан из рая (т.е. идеального сада) в неуютное и хаотическое пространство земли.

В рассказе «Превращение» Кафки отсутствуют сколь-либо заметные аллюзивные отсылки к Библии. Сама ситуация, связанная с превращением человека в животное, противоречит и букве и духу библейской космогонии, изложенной в Книге Бытия, согласно которой между человеком и животными проводится очень чёткая граница (Быт. 1: 28). Однако мотив незаслуженного наказания, наказания без вины, как и в романе «Процесс», обнаруживает связь с одной из книг Библии – Книгой Иова (см. об этом: [Лескова; Данилкова]). Как и Грегор Замза, герой романа «Процесс» Йозеф К. не совершил никакой видимой вины и является жертвой обрушившейся на него напасти. Но, если вдуматься, он виновен в бездействии, в том, как он бесцельно проживал свою жизнь. В его жизни был дефицит духовности, он не ценил жизнь, видел мало хорошего в людях, в себе самом и, в итоге, он сам себя наказал. Иов был

другим: он счастлив со своей семьей, ценил все, что имел, и благодарил за это Бога, и как же больно было ему потерять все, что он имел. Йозефу К. нечего было терять.

Библейский миф у Кафки, подобно языческому, представляет собой миф в перевёрнутом виде: в Библии Иов выдерживает испытание и Бог ему всё возвращает, а в романе Кафки «Процесс» от главного героя практически ничего не зависит. Ему кажется, что он тоже, подобно Иову, выдерживает какое-то испытание, но на самом деле у него нет шансов. Кроме того, в главе «В соборе» романа Кафки «Процесс», священник рассказывает притчу о привратнике и просителе, которая выполняет роль вступления в Писание («die Schrift») [Kafka] – таинственную Книгу, которая известна только посвящённым людям и которая в христианском и иудейском культурном сознании обнаруживает очевидную связь с Ветхим Заветом (Торой).

Ребёнок-нарратор «Санатория под Клепсидрой» носит библейское имя Иосиф (Юзеф), то же, что у героя романа Кафки «Процесс» (Йозеф К.). Библейский генезис имени Иосиф выявляется в рассказе Шульца «Весна», более того, он вступает в контаминативные отношения с кафковским мотивом обвинения и ареста: «Вы ли Иосиф N.? – Да, – ответил я удивленно. – Сновидели ли вы какое-то время назад, – сказал офицер, – общепринятый сон библейского Иосифа? – Возможно... – Так и есть, – сказал офицер, глядя в бумагу. – Известно ли вам, что сон ваш был замечен в высочайших инстанциях и сурово трактован? – Я не отвечаю за свои сны, – сказал я. – Нет же, отвечаете. Именем Его Императорского и Королевского Величества вы арестованы» [Шульц, с.44]. Таким образом, развязка рассказа «Весна» обнаруживает совпадение с завязкой романа «Процесс», в котором действие начинается с того, что к главному герою Йозефу К. приходят двое незнакомцев и сообщают, что он арестован.

Героем рассказа Шульца «Гениальная эпоха» является некто Шлёма, сын Товия, которого «Именно в пасхальные праздники... из тюрьмы, в которую сажали его на зиму после летне-осенних скандалов и безумств, выходил Шлёма, сын Товита» [Там же, с. 40]. Этот образ – один из кафковских интертекстуальных сигналов прозы Шульца, вводящих в неё мотив правосудия и наказания, основополагающий в романе «Процесс». С Йозефом К. и Шлёмой связана символика года-цикла: не случайно в романе Кафки трагическая развязка происходит ровно через год после завязки, в день рождения главного героя. Однако годовой цикл у Кафки является единичным, и именно в этом состоит трагический феномен замкнутости и безысходности судьбы героя. Эта экзистенциальная замкнутость перекликается с кафковским мотивом изъятости человека из природного цикла, о чем верно пишет Е.М. Мелетинский: «И в “Превращении”, и в романах Кафки не поддерживается, а наоборот, нарушается естественный круговорот жизни, отсутствует мифологема смерти – воскресения, обновления» [Мелетинский, с. 340]. Цикличность биографии Шлёмы вписывается в кругооборот природы, для которой главным законом является повторяемость – бесконечная цепочка смертей и рождений. Био-

графья Шлёмы обнаруживает реминисценцию античного мифа Персефоны – Коры, проводящей, согласно постановлению Зевса, весну и лето на Олимпе, а поздней осенью спускающейся в Аид. Таким образом, Шлёма – шульцевский двойник Йозефа К. – не может в такой же степени, как герой «Процесса», быть олицетворением идеи отчуждения.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о связи творчества обоих мастеров слова с мифологическим сознанием XX в. Специфика мифотворчества Кафки может быть выявлена именно в противопоставлении подлинным первобытным древним мифам. Важнейшим для литературного творчества Шульца является космогонический миф о генезисе Бытия, который связан с попытками достижения изначального смысла слов и постижения единства между словом и бытием. Гением и «мессианским» типом человека в прозе Шульца выступает ребёнок, который соединяет в себе первоисточники художественного творчества и архаических времен, поэтому он играет роль не только главного героя, но и становится «проводником» читателя в мир детства как мифотворческой эпохи всего человечества.

Литература и источники

Bańko M. Wielki słownik języka polskiego. Warszawa: KJPAN, 2007.

Kafka F. Der Prozeß. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-prozess-157/28> (Дата обращения: 14.03.2016).

Schulz Bruno. Posłowie do polskiego przekładu «Procesu» Franza Kafki [Электронный ресурс] URL: <http://mtecznik.npr.pl/antologia3/proces.html> (дата обращения: 14.03.2016).

Данилкова Ю.Ю. Проблема вины в творчестве Ф. Кафки. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-viny-v-tvorchestve-f-kafki> (дата обращения: 14.03.2016).

Каменева Н. Мифологическая проза Бруно Шульца (Бруно Шульц. Библиографический указатель), Иерусалим – Москва. [Электронный ресурс] URL: <http://philology.ru/literature3/kameneva-98.htm> (дата обращения: 14.03.2016).

Кафка Ф. Превращение / пер. с нем. С. Апт, СПб.: Азбука-классика, 2005.

Лескова Е.В. Жанровая специфика притчи и параболы в творчестве Ф. Кафки и Ф.М. Достоевского: экзистенциальный аспект. [Электронный ресурс] URL: https://www.kantiana.ru/upload/iblock/b55/leskova-e.v._dis-_2_.pdf (дата обращения: 14.03.2016).

Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Мифы народов мира. Мифологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1998. Т. 2.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 2000.

Синило Г.В. Библия как памятник культуры. Минск: БГУ, 1999.

Шульц Б. Коричные лавки, Санаторий под Клепсидрой / пер. с пол. А. Эпель, М.: Гешарим, 1993.

References

Bańko M. Wielki słownik języka polskiego, Warszawa: KJPAN, 2007.

Kafka F. Der Prozeß. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-prozess-157/28> (Data obrashcheniya: 14.03.2016).

Schulz Bruno. Posłowie do polskiego przekładu «Procesu» Franza Kafki. [Elektronnyi resurs] URL: <http://matecznik.npr.pl/antologia3/proces.html> (Data obrashcheniya: 14.03.2016).

Danilkova Yu.Yu. Problema viny v tvorchestve F.Kafki. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-viny-v-tvorchestve-f-kafki> (Data obrashcheniya: 14.03.2016).

Kameneva N. Mifologicheskaya proza Bruno Shul'tsa (Bruno Shul'ts. Bibliograficheskii ukazatel'), Ierusalim – Moskva. [Elektronnyi resurs] URL: <http://philology.ru/literature3/kameneva-98.htm> (Data obrashcheniya: 14.03.2016).

Kafka F. Prevrashchenie / per. s nem. S. Apt, SPb.: Azbuka-klassika, 2005.

Leskova E.V. Zhanrovaya spetsifika pritchi i paraboly v tvorchestve F. Kafki i F.M. Dostoevskogo: ekzistentsial'nyi aspect. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.kantiana.ru/upload/iblock/b55/leskova-e.v._dis-_2_.pdf (Data obrashcheniya: 14.03.2016).

Lotman Yu.M., Mints Z.G., Meletinskii E.M. Mify narodov mira. Mifologicheskaya entsiklopediya: V 2 t. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1998. T. 2.

Meletinskii E.M. Poetika mifa. M.: Nauka, 2000.

Sinilo G.V. Bibliya kak pamyatnik kul'tury. Minsk: BGU, 1999.

Shul'ts B. Korichnye lavki, Sanatoriya pod Klepsidroi/ per. s pol. A. Eppel', M.: Gesharim, 1993.

Apdaik D. Pol'skie metamorfozy [Elektronnyi resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/8/shulc.html> (Data obrashcheniya: 14.03.2016).

Klekh, I. Intsident s klassikom: O klassikakh pol'skikh, cheshskikh i russkikh. M., 1998.

Reguretskaya E.M. (Kaliningrad, Russian Federation)

Pagan and bible beginning in the creative work of B.Schulz and F.Kafka

Modern literature pays great attention to the study of biblical and pagan aspects of the classical works of the twentieth century.

Franz Kafka and Bruno Schulz – two classics of modernity, residents of “Republic of dreams”, if to use a beautiful metaphor of Schultz, were from Jewish families lived in a multicultural and multilingual Austro-Hungarian Empire absorbed with best achievements of the Austrian culture. As noted by J. Updike: «Kafka and Schulz – two unremarkable man, born in the backyard of once powerful empire, took a bite at the same apple myth, but from different sides». Both were able to transform the insightful observation in prophecy, describing the dreams and nightmares as precisely as if they were facts of life, both shed light on human nature and witnessed history, complementing each other. I. Klekh rightly observes certain «commonness» of their creative method, stressing the importance for the two writers' motif of transformation, transformation, mutual penetration of books and worlds.

Schulz's «fairy tale», his myth-making, guided by its own laws, “mythological” rules, which, unlike Kafka, is not «mythological» of closeness exclusively on internal self-perception.

Key words: *Bible, myth, mythimage, Kafka, Shultz.*

Reguretskaya Ekaterina Mikhailovna – post-graduate student of Baltic Federal University of I.Kant. Phone: 8-909-789-69-70, e-mail: jakun2010@mail.ru